

УДК 82

DOI: 10.57015/issn1998-5320.2024.18.1.3
Научная статья

Е. А. Акелькина¹

✉ elena.akelkina51@yandex.ru

¹Омская гуманитарная академия, г. Омск, Российская Федерация

Ф. М. Достоевский — о Петре I

Аннотация: Автор статьи рассматривает формирование исторического сознания в русской литературе на примере мыслей Ф. М. Достоевского о Петре I. Взгляд писателя универсален, так как основан на историографии, отзывах об этих работах в журналах «Время» и «Эпоха», а также на раздумьях о нравственном смысле диалога России и Европы, актуализированного Петром I. Тема Петра I и его реформ — важнейшая для формирования исторического сознания у читателей литературы XIX века, споры о смысле и значении петровского переворота продолжаются в культуре более двух столетий. Взгляд Ф. М. Достоевского на этот вопрос наиболее универсален, так как он складывался не только на основе литературы и историографии, но и на неповторимом жизненном опыте, который объединил два города, созданных решением Петра I по военной и государственной необходимости, — Санкт-Петербург и Омск.

Ключевые слова: петербургский период, реформы Петра I, историческое сознание, западники и славянофилы, славянское единство.

Дата поступления статьи: 26 июня 2023 г.

Для цитирования: Акелькина Е. А. (2024) Ф. М. Достоевский — о Петре I. Наука о человеке: гуманитарные исследования, т. 18, № 1, с. 32–38. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2024.18.1.3.

Scientific article

Е. А. Akelkina¹

✉ elena.akelkina51@yandex.ru

¹Омская гуманитарная академия, г. Омск, Российская Федерация

F. M. Dostoevsky about Peter I

Abstract: The author of the article examines the formation of historical consciousness in Russian literature using the example of F. M. Dostoevsky's thoughts about Peter I. The writer's view is universal, as it is based on historiography, reviews of those works in the magazines "Time" and "Epoch", as well as on reflection on the moral meaning of the dialogue between Russia and Europe, updated by Peter I. The topic of Peter I and his reforms is the most important for the formation of historical consciousness among readers of literature of the 19th century; debates about the meaning and significance of Peter's coup have continued in culture for more than two centuries. F. M. Dostoevsky's view on this issue is the most universal since it was formed not only based on literature and historiography but also on the unique life experience that united two cities created by the decision of Peter I out of military and state necessity — St. Petersburg and Omsk.

Keywords: St. Petersburg period, reforms of Peter I, historical consciousness, Westerners and Slavophiles, Slavic unity.

Paper submitted: June 26, 2023.

For citation: Akelkina E. A. (2024) F. M. Dostoevsky about Peter I. Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 18, no. 1, pp. 32–38. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2024.18.1.3.

Введение

Русская литература еще со времен Древней Руси и до сегодняшнего дня была, по словам Д. С. Лихачева, «литературой одной темы и одного сюжета. Этот сюжет – мировая история, и эта тема – смысл человеческой жизни» (Лихачев, 1969, с. 9). Начиная с произведений Н. М. Карамзина и А. С. Пушкина, прилежным читателем которых был молодой Достоевский, существовала традиция осмысления исторических событий и великих личностей, опираясь на ясность, трез-

вость и созерцательность, то есть без искажения смысла произошедшего в прошлом. Недаром А. С. Пушкин назвал «Историю государства Российского» «подвигом честного человека», имея в виду беспристрастность в оценках нравственных уроков истории. Ф. М. Достоевский был заинтересованным читателем, собирателем исторических трудов, а также публиковал их в своих журналах «Время» и «Эпоха». Недаром есть упоминание о его первом несохранившемся сочинении «Борис Годунов». После возвращения из Сибири Ф. М. Достоевский наблюдает актуализацию интереса к истории в культуре, расцвет исторических жанров. Более того, в своих статьях «Выставка в Академии художеств за 1860–1861 год» и «По поводу выставки» (1873) Ф. М. Достоевский пытается определить и сформулировать универсальный закон исторического жанра, который важен для любого искусства. Писатель замечает, что современная жизнь и историческая действительность должны изображаться по-разному, и дело здесь не в костюмах, антураже, устаревших оборотах речи. «Историческое событие представляется в его законченном виде, то есть с прибавлением всего последующего развития, еще и не происходившего в тот именно исторический момент. <...> сущность исторического события не может быть представлена точь в точь так, как оно совершалось в действительности (Ф. М. Достоевский об искусстве, 1973, с. 220). Иначе говоря, Достоевский требует от исторического жанра философичности, то есть постижения сущности исторического события или личности в соответствии с их масштабом соразмерно и пропорционально будущему, а также с пониманием нравственного смысла и уроков истории¹.

Те же требования, что к историческим жанрам в литературе, Достоевский предъявляет и к сочинениям историков. Творчество Ф. М. Достоевского пришлось на середину XIX века, это рубежное, переходное время от феодальной империи к капитализму. Неслучайно в пореформенные годы возрос интерес к аналогичным эпохам в прошлом: это смутное время и реформы Петра I. Личность Петра I представала как загадка исторического деятеля и осмыслялась как своеобразный ключ к будущему развитию России. И хотя ни один большой русский писатель не миновал темы Петра I, в осмыслении и оценке Достоевского она предстает достаточно оригинально и универсально.

Методы

Данная проблема решается с помощью обзора откликов, цитат на работы историков, писателей, журналистов, а также компаративистского анализа и контекстуальных антитез.

Степень исследованности проблемы

Здесь Достоевский ближе всего к А. С. Пушкину, продолжает традицию его так и ненапечатанной «Истории Петра» и «Записок бригадира Моро-де-Бразе». Он выступает как читатель и как редактор двух журналов, критик и писатель, оставивший планы и заметки в записных тетрадах. Русская литература XIX века формировала у читателей историческое сознание вернее и ярче, чем собственно исторические научные исследования. Да и русская научная историография, родившаяся из полемики западников со славянофилами, только начала формироваться в пореформенную эпоху. Поэтому, отвечая на вызовы переходной эпохи 1860-х годов, русская литература и журналистика выполняла универсальные функции в культуре и формировала национальное историческое сознание. Писатели принимали активное участие в полемике вокруг исторических сочинений ученых. Россия в 1860-е годы спорила о том, по какому пути пойдет ее развитие. В середине 60-х годов К. Д. Кавелин напечатал знаменитую программную статью «Мысли и заметки о русской истории», в которой приветствовал возрождение русской исторической науки: «С каждым десятилетием, а в последнее время чуть ли не с каждым годом выигрывает в интересе, значении и важности... Торная дорога кончилась, предстоит идти целиком, наугад, ощупью и тогда-то наступает время глубокого раздумья. Народная мысль разрешается в целый ряд вопросов, догадок и предположений, среди которых мало-помалу и созревает народное самосознание, единственно верный руководитель на этой ступени развития... Возмужавшее и окрепшее народное самосознание приходит к правде в истории и вступает на твердый путь в

¹См. об этом: Акелькина Е. А. Достоевский об историческом жанре // Достоевский в смене эпох и поколений, Омск, 2021 г., с.276–277.

практической жизни (Вестник Европы, 1866). Кавелин, как и многие другие авторы, останавливается на двух моментах «взрывных» переходных эпох: на царствовании Ивана Грозного и на Петре I.

Результаты

Смутное время и реформы Петра I приобрели в культуре особую популярность и остроту, так как соотносились с последствиями отмены крепостного права. В журналах обсуждаются труды С. М. Соловьева, В. О. Ключевского, Н. Костомарова и других историков. В этих спорах, комментариях и складывается особый взгляд русских писателей и прежде всего Ф. М. Достоевского на эпоху и личность Петра I. Друг писателя поэт А. Н. Майков так определяет в письме к Ф. М. Достоевскому (1868) роль Петра I: «Раздел Европы на восточную и западную. Борьба их. Азия с татарами и турками помогает Западу. Коварное поведение Запада: помогу, лишь покорись Папе. Слабость и падение востока. Возрождение его с громов полтавских: общеславянское значение Петра и рост России. Колебание веков: мы теперь в периоде самой роковой схватки... Жаль только, что круто бороды брил... Мы все будем гордиться Петром, простив ему кое-что. Но забавно, как в нем ошиблись западники! Да им ли понять Петра — царя выросшего посреди народа, что ни говори. Никто так не повредил [у нас] Петру, как западники (Ф. М. Достоевский, 1924, с. 346–347). Достоевский отвечал: «Мне нравится Ваша мысль о всеславянском значении Петра. Я в первый раз в жизни эту идею услышал, и она совершенно верная» (Ф. М. Достоевский, 1930, с. 100).

Размышления о значении деятельности Петра I проходят через все творчество Достоевского. Так, создавая очерковый цикл «Петербургская летопись» и печатая его с апреля по июнь 1847 г. в газете «Санкт-Петербургские ведомости», являющейся собственностью императорской Академии Наук, Ф. М. Достоевский от легкомысленно-иронического фельетонного тона в последних двух очерках переходит к философствующей интонации серьезных раздумий о судьбе России через сопоставление Москвы и Петербурга. «В нашей литературе, — писал Н. Я. Берковский, — чрезвычайно большое место заняла петербургская тема — не как тема одного города, а как тема философско-историческая, тема “петербургского периода” нашей истории, нашего пребывания в границах и условиях современной европейской цивилизации» (Берковский, 1975, с. 130–131). В очерке от 1 июня молодой Достоевский дает своеобразный панегирик Петербургу как центру современной жизни России, как вдохновителя и стимула ее развития. Здесь Петербург как европейская столица страны предстает как концентрация всех достижений эпохи Петра I. Вслед за В. Г. Белинским Достоевский видит в этой имперской столице России закономерное приобщение страны к европеизации, к выходу за пределы средневековой феодальной неподвижности всей русской жизни.

После сравнения с Москвой рассказчик замечает: «Не таков Петербург. Здесь что ни шаг, то видится, слышится и чувствуется современный момент и идея настоящего момента. Пожалуй, в некотором отношении здесь все жизнь и движение. Петербург и глава и сердце России. <...> И до сих пор Петербург в пыли и в мусоре; он еще создается, делается; будущее его еще в идее; но идея эта принадлежит Петру I, она воплощается, растет и укореняется с каждым днем не в одном петербургском болоте, но всей России, которая вся живет одним Петербургом. Уже все почувствовали на себе силу и благо направления петрова, и уже все сословия призваны на общее дело воплощения великой мысли его. Следственно, все начинают жить. Все — промышленность, торговля, науки, литература, образованность, начало и устройство общественной жизни — все живет и поддерживается одним Петербургом»¹.

Таким образом, молодому выпускнику военно-инженерного училища Ф. М. Достоевскому итог дела Петра I предстает в Петербурге прежде всего, то есть в архитектуре домов и дворцов, в Эрмитаже, в Ботаническом саду, в Академии художеств, в музеях, в железной дороге. И с этим заданным Петром I вектором развития сопрягается народный характер. Именно в процессе постижения итогов деятельности Петра I начинает формироваться философская очерковая проза Достоевского в цикле «Петербургская летопись».

¹Цит. по: Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч: в 30 т. — Л.: Наука, 1972–1990. Т. 18. Л., 1978. С. 26

Позже с развитием буржуазных начал и тенденций этот восторг перед делом Петра I сменится у Достоевского более трезвой оценкой после возвращения в Петербург из Сибири, за эти 10 лет свершился переход от крепостного общества к капиталистическому. Это, разумеется, вызвало в силу переходности эпохи 1860-х годов актуализацию мыслей об историческом процессе в России, о единстве исторического времени и вечности. Реформа 1861 года, поражение в Крымской войне, крестьянский вопрос – все это вызвало подъем национально-исторического самосознания народа. И снова с реформами 1861 года сопоставлялись реформы Петра I. У Достоевского это реализовывалось в его рукописном наследии записных книжек и тетрадей 1860–1881 гг.

Как читатель и журналист Ф. М. Достоевский с детства, будучи поклонником «Истории государства Российского», продолжает интересоваться актуальными для пореформенной эпохи сочинениями историков.

На страницах журналов братьев Достоевских «Время» и «Эпоха» печатаются исторические документы и статьи. Особый интерес Ф. М. Достоевского вызывает петровская реформа. Еще к 1860 году относятся замечания писателя на статью М. И. Семевского о книге Устрялова «Царевич Алексей Петрович», напечатанную в «Русском слове» № 1. Замечания Ф. М. Достоевского обнаруживают его критическое отношение к приемам исторического исследования Семевского и к его приемам в обрисовке Петровского времени.

В. С. Нечаева отмечает: «Через все “Замечания” проходит ясно выраженное желание автора (Ф. М. Достоевского. – Прим. Е. А.) защищать Петра и его дело от грубых выпадов Семевского, попытка уличить историка при помощи им же публикуемого материала в несправедливости возводимых на Петра обвинений в жестокости, “кровожадности”. Ф. М. Достоевский доказывал терпимость Петра, приводя “вольнодумное, дерзкое” слово Стефана Яворского и удивляясь, “как могли эти люди говорить такие речи при грозном кровопийце (как Петр), перед которым, по выражению того же Семевского, Иван Грозный – романтик. Значит, могли же говорить при Петре, во всеуслышание про Петра такие дерзости. Почему же могли? Была же причина! Какая? Или Петр позволял высказывать правду, или Стефан Яворский опирался на что-нибудь, чтоб не бояться. На что же? На силу царевича Алексея, на партию его; но Семевский прямо говорит, что не было партии никакой”» (Нечаева, 1972, с. 201–202).

Замечания Ф. М. Достоевского доказывают, что у Алексея была партия и что у него было стремление разрушить дело Петра. Писатель приводит отрывки из письма Алексея Цезарю, он пишет: «Слова ясные, понятно, каким образом царевич понимал и ненавидел Петра и реформу его; ясно, что по воцарению он повернул бы все на старый лад» (Нечаева, 1972, с. 202).

«Достоевский негодует на Семевского за то, что он не объективен в оценке исторических свидетельств в отношении Петра и Алексея: “Почему все, что говорит против Алексея, – даже самое вероятное, – ложно, а все против Петра – правдиво”. В то время как Семевский видел “пример бесчеловечия Петра” в том, что он в день пыток Алексея издал два указа, не имеющих отношения к этому делу. Достоевский писал: “Это может быть идет к величию Петра. На троне вечный был работник. Без него никто ничего не делал, следовательно, ему надобно делать. Это был железный человек, жестокий – положим. Но ведь этот родной сын шел против него. Петр как гений видел одну цель – реформу и новые порядки. Ему беспрерывно были преграды, его раздражали... Не за бунт вооруженный казнил Петр Алексея, а за то, что ужасался передать свое царство ему и погубить все свое дело. Реформа была Петру дороже сына, и он, казнил его. В том, что Алексей погубит ее, он не ошибался...”» (Нечаева, 1972, с. 202).

Достоевского справедливо возмущает то, что историк «смотрит на Петра, как на личного своего врага», что ссылается на свидетельства, которые сам считает сомнительными, а порой подтасовывает факты. Писатель заканчивает замечания так: «Историк может ли так сознательно себе противоречить?» (Нечаева, 1972, с. 202).

Эта критика недобросовестности Семевского не помешала публикации во «Времени» его многочисленных статей, возможно, здесь сказывалось влияние А. Григорьева и Н. Страхова как более последовательных «почвенников».

Во «Времени» в 1862 году печаталась статья П. Пекарского «Петровская опека над русским умом», представляющая собой пересказ и разбор его исследования «Наука и литература в России при Петре Великом», название дано редактором. Автор указывает на отсутствие «принципа свободы» в просветительских мерах Петра I, все решалось волей царя, отсюда преобладание внешних форм и широкое привлечение иностранцев, среди которых часто преобладали авантюристы, выдающие себя за ученых. Это подавляло русскую мысль, мешало ее самобытности. Образование при Петре понималось как приготовление к службе и носило прилагательный характер¹.

К этой теме Ф. М. Достоевский будет возвращаться в «записных тетрадях». Однако журнал «Время» защищает петровские реформы и стремление к европейскому просвещению.

В 1872 году Россия отмечала 200-летие Петра I. Ф. М. Достоевский задумывает юбилейную статью, к сожалению, так и неосуществленную. Писатель делает в записных тетрадях ряд замечаний о новых чертах, которые принесли реформы Петра I, изменения касались сословных, экономических, нравственных сторон жизни страны. Например: «Церковь в параличе с Петра Великого». Так Достоевский начинает тему роста бюрократизации русской жизни, отмечая, что священники стали превращаться в чиновников от правительства (Литературное наследство, 1971, с. 292).

Достоевский считал, что «с петровской реформой, с жизнью европейской мы приняли в себя буржуазию и отделились от народа, как на Западе» (Литературное наследство, 1971, с. 273). Очень серьезную претензию предъявляет писатель Петру I, обвиняя реформы в сверхцентрализации, сковывающей активность и энергию: «Наше Петром Великим отученное от всякого дела общество» (Литературное наследство, 1971, с. 293).

Выдвинув в журнале «Время» концепцию так называемой «почвы», писатель связал ее с преобразованием Петра. По его мнению, петровская реформа была для России исторической необходимостью, так как старая московская Русь изжила себя, была в кризисе. Но преобразования Петра были навязаны народу деспотически, насильственно, а потому были вредны по способам осуществления. Они вырыли пропасть между правящими классами и народом, привели к мучительному и болезненному отрыву культуры образованных слоев от народной «почвы». Это было до определенного времени исторически оправдано тем, что русской интеллигенции надо было освоить наследие европейского просвещения и мысли, стать полноправной участницей процесса развития общечеловеческой культуры. Но после петровских реформ необходимо преодолеть вековой разрыв с народом, соединиться с ним, — возвратиться к родной «почве». Уничтожение сословных перегородок позволит вернуться к нравственным ценностям народа, к правде и справедливости (Литературное наследство, 1971, с. 293).

Ф. М. Достоевский считал, что все реформы Александра II противоположны реформам Петра Великого: освобождение крестьян прямая противоположность взгляду Петра на русский народ как на материал, платящий подати.

Достоевский пишет: «Классическое образование, наконец, прямая противоположность взглядам Петра на образование, никогда не возносившимся дальше техники и насущной полезности, требовавшему мичманов, литейщиков, кузнецов, слесарей и проч. и даже не ставившему никогда и вопроса о том, что такое человек образованный. Нынешнее царствование решительно можно считать началом конца петербургского периода (столь длинного) русской истории. (Задыхание России в тесных петровских реформах.)» (Литературное наследство, 1971, с. 312).

Высоко оценив деяния Петра I, Достоевский здесь не историчен, требуя невозможного в ту эпоху. Однако конец петербургского периода почувствован верно.

Далее Достоевский отмечает: «Там, где образование начиналось с техники (у нас реформа Петра), никогда не появлялось Аристотелей. Напротив, замечалось необычайное суживание и скудность мысли. Там же, где начиналось с Аристотеля (renaissance, 15-е столетие), тотчас же дело сопровождалось великими техническими открытиями (книгопечатание, порох <...> и расширением человеческой мысли (открытие Америки, реформация, открытия астрономические и проч.).

¹См. об этом: Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время». 1861–1863. М., Наука, 1972, с. 203.

Мир ожидают в весьма скором времени страшные новости и перемены. <...> Не столь Петр Великий виноват, сколько его хвалители... <...> ...но слава военная и сила наша не пошли нам в прок, именно по узости мысли, не могшей развиться в народный взгляд и оторвавшейся от народа...» (Литературное наследство, 1971, с. 312–313). Именно широта культурологического контекста позволяет писателю – мыслителю понять уникальность пути России.

От высокой оценки реформ Петра I Достоевский переходит к раздумьям об их последствиях и настаивает на самостоятельности русского пути.

Завершается тетрадь любопытным прогнозом: «Я убежден, что судьей Европы будет Россия. И Россия решит вовсе не в пользу одной стороны. Ни одна сторона не останется довольна решением. Все в будущем столетии. Сильных держав не будет, все силы будут разрушены междоусобной борьбой демоса с высшими. Надо быть России готовой...» (Литературное наследство, 1971, с. 430–431).

Полемика о Петре I идет несколько десятилетий в середине XIX века. В его реформах многие видят причину упадка дворянства. Л. Н. Толстой, задумавший, но не осуществивший роман из петровской эпохи, видит в этом времени «весь узел русской жизни» (Ф. М. Достоевский, 1930, с. 100). Однако Л. Н. Толстой отказывается от замысла этого романа, так как считает, вслед за Кавелиным, что «Мы до сих пор продолжаем относиться к нему как современники, любим его или не любим, превозносим выше небес или умалюем его заслуги: но число его поклонников редееет, а число порицателей растет. Нас вводит в заблуждение темперамент преобразования, оригинальная, своеобразная форма, приданная ей необыкновенной личностью Петра» (Ф. М. Достоевский, 1930, с. 100). Л. Н. Толстой разочаровался в Петре как личности и работа над романом в 1873 году остановилась. Утверждая приоритет «истории искусства как метода ведущего в глубь явления» Толстому не хватило объективности и философского подхода к личности и реформам Петра I. Ища нравственный смысл явления, Л. Н. Толстой слишком тесно связал личность Петра I с вопросом «что мы такое и куда идем». (Эйхенбаум, 1974, с. 108). Ф. М. Достоевский был более историчен. Здесь ему помогало уникальное образование как гуманитарное, так и военно-инженерное. А также сибирское десятилетие дало знакомство с азиатской Россией. При переезде через Урал писатель остро переживает границу Европы и Азии, видит судьбу России в Азии, осмысляет планетарно роль огромной империи России, созданной Петром I.

Выводы

Достоевский справедливо считал, что без реформ Петра I многое бы в жизни России «осталось немым», «не мертвым, но живущим без голоса», ибо именно европейское образование пробудило в русском обществе самобытное мышление, которое стало проявляться во всех сферах науки и искусства. «Наша политическая идея, завещанная еще Петром I, оправдалась всеми»¹. Недаром Т. Н. Грановский писал: «Петр I дал нам право на Историю и едва ли не один заявил наше историческое призвание... 130 лет Петр ждет себе ценителя». О начавшейся еще в древности противоположности России и Европы, которую обострили реформы Петра, Достоевский замечает: «Для Европы Россия одна из загадок Сфинкса... Хотя европейцы и уверены, что они нас давно постигли, писатель отмечает «беспредельное высокомерие европейцев перед русскими». Предсказывая будущее, Достоевский прогнозирует: «Русская идея м. б. будет синтезом всех тех идей, которые с таким упорством, с таким мужеством развивает Европа в отдельных своих национальностях, что м. б., все враждебное в этих идеях найдет свое примирение и дальнейшее развитие в русской народности».

Подводя итоги, хочется сказать, что писатель не просто высоко оценивает деятельность и характер Петра I, но выходит к постижению тенденций исторического развития переходного времени реформ Петра I. Достоевский, тем самым, формирует национальное историческое самосознание. Вот как определяет он результаты петровских реформ: «реформа Петра I оторвала одну часть народа от другой, главной... Реформа шла сверху вниз, а не снизу вверх. Дойти до нижних слоев народа реформа не успела... при тех реформаторских приемах, которые употреблял Петр I, преобразование не могло охватить весь народ: народ переделать очень трудно. Для этого мало железной воли одного человека: ошибка

¹Цит. по: Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч: в 30 т. – Л.: Наука, 1972–1990. Т. 28. Л., 1978. С. 208.

Петра I — он захотел сразу — за одну свою жизнь — переменить нравы, обычаи, воззрения русского народа. Мы чрезвычайно ошиблись бы, если бы подумали, что реформа Петра принесла в нашу русскую среду общечеловеческие западные элементы. У нас водворилась страшная распущенность нравов, немецкая бюрократия — чиновничество. Народ и остался таким же, каким был до реформы. “Окно в Европу”, из которого образованная публика видела не то, что нужно, училась не тому, чему должна была учиться... Петровская реформа принесла характер измены нашей народности, нашему народному духу. Петр вырос на русской почве, в русском воздухе носились задатки реформационной бури, и в Петре I сосредоточилось это пламенное желание — дать новое направление нашей исторической жизни... Одна идея Петра была народна. Но Петр I, как факт, был в высшей степени антинароден... В переходные эпохи — есть желание выйти из прежнего порядка вещей, но как и куда идти — плохо осознается и понимается.

Теперь разъединение оканчивается. Петровская реформа дошла наконец до последних своих пределов. Все, последовавшие за Петром, узнали Европу, примкнули к европейской жизни и не сделали европейцами. Мы и не можем быть европейцами, мы не в состоянии втиснуть себя в одну из форм западной жизни. Мы — отдельная национальность, в высшей степени самобытная и наша задача — создать себе новую форму, нашу собственную, взятую из почвы нашей, из народного духа и из народных начал. Мы не отказываемся от нашего прошедшего: мы сознаем и разумность его. Русская идея будет синтезом всех идей Европы. Мы вступаем в новую жизнь» (Литературное наследство, 1971, с. 432).

Источники

- Берковский Н. Я. (1975) О мировом значении русской литературы. Л., Наука, 184 с.
Вестник Европы (1866). Т. 2. 722 с.
Литературное наследство (1971) Том 83. Неизданный Достоевский. Записные книжки и тетради 1860—1881 гг. М., Наука, 728 с.
Лихачев Д. С. (1969) Первые семьсот лет русской литературы. Изборник (сборник произведений литературы Древней Руси). М., Художественная литература, 800 с.
Нечаева В. С. (1972) Журнал М.М. и Ф.М. Достоевских «Время» 1861—1863. М., Наука, 370 с.
Ф. М. Достоевский об искусстве (1973) М., Искусство, 632 с.
Ф. М. Достоевский. Письма 1867—1871 (1930). В 4 т. Т. 2. М., Л., Гиз, 619 с.
Ф. М. Достоевский. Статьи и материалы (1924) Сборник второй. Л.—М., Мысль, 590 с.

References

- Berkovsky N. Ya. (1975) O mirovom znachenii russkoy literatury [On the global significance of Russian literature]. – Leningrad, Nauka Publ., 184 p. (In Russian).
F. M. Dostoyevskiy ob iskusstve (1973) [F. M. Dostoevsky about art]. Moscow, Iskusstvo Publ., 632 p. (In Russian).
F. M. Dostoyevskiy. Pis'ma 1867–1871 (1930) [F. M. Dostoevsky. Letters 1867–1871. In 4 volumes. Vol. 2.] Moscow – Leningrad, Giz Publ., 619 p. (In Russian).
F. M. Dostoyevskiy. Stat'i i materialy (1924) [F. M. Dostoevsky. Articles and materials]. Collection two. Leningrad – Moscow, Mysl Publ., 590 p. (In Russian).
Likhachev D. S. (1969) Pervyye sem'sot let russkoy literatury [The first seven hundred years of Russian literature]. Izbornik (sbornik proizvedeniy literatury Drevney Rusi) — Izbornik (collection of works of literature of Ancient Rus'). Moscow, Khudozhestvennaya literature Publ., 800 p. (In Russian).
Literaturnoye nasledstvo (1971) Literary heritage. Volume 83. Unpublished Dostoevsky. Notebooks and notebooks 1860-1881.]. Moscow, Nauka Publ., 728 p. (In Russian).
Nechaeva V. S. (1972) Zhurnal M.M. i F.M. Dostoyevskikh «Vremya» 1861 – 1863 [Journal of M. M. and F. M. Dostoevsky “Time” 1861–1863]. Moscow, Nauka Publ., 370 p. (In Russian).
Vestnik Yevropy (1866) T. 2. [Bulletin of Europe], vol. 2, 722 p.

Информация об авторе

Акелькина Елена Алексеевна

Доктор филологических наук, профессор.
Омская гуманитарная академия, г. Омск, РФ.
E-mail: elena.akelkina51@yandex.ru

Author's information

Elena A. Akelkina

Dr. Sc. (Philol.), Professor. Omsk Humanitarian
Academy, Omsk, Russian Federation.
E-mail: elena.akelkina51@yandex.ru